

Сун Минсинь удивленно посмотрел на бледного Бай Лина, у которого отчаянно стучали зубы, не понимая, почему тот выглядит так, будто его внезапно выбросили в сугроб.

Хотя порой ему казалось, что в этой спальне действительно немного холоднее, чем на улице, вряд ли всё было настолько преувеличено?

Но тут Минсинь внезапно заметил, что оба глаза Бай Лина неподвижно уставились в сторону портрета в траурной рамке, словно тот до смерти перепугался. Однако это казалось еще страннее: даже его самого портрет не напугал, так почему же испугался Бай Лин, который, судя по всему, был отлично знаком с его покойным мужем-призраком?

Эти мысли лишь на мгновение промелькнули в голове Минсиня и сами собой исчезли. Он тут же потянул Бай Лина за руку, усаживая его на диван подальше от портрета мужчины, взял из его рук с десятков пакетов и небрежно отложил их в сторону, после чего сказал:

— Извини уж, я и не думал, что тебя испугает фотография моего мужа. Не хочешь выпить горячей воды, чтобы согреться?

Бай Лин все еще не оправился от пережитого страха и не мог ответить.

Тогда Минсинь повернулся, чтобы налить воды. Душа Фу Юйцзиня следовала за ним по пятам; стоило ему услышать слова «мой муж», как весь его гнев мгновенно улетучился. На его красивом лице промелькнуло смущение, но куда сильнее в нем ощущалось радостное удовлетворение от того, что его чувство собственника было удовлетворено.

Вот только... его ледяной взгляд скользнул по бледному Бай Лину, сидевшему на диване.

Это вовсе не значило, что он собирался отпустить того, кто посмел соблазнить его молодую жену.

Стоило Фу Юйцзиню взглянуть на одежду Минсиня, как он с первого же взгляда определил бренд, а ее стоимость превосходила наряд самого Бай Лина по меньшей мере вдвое. И вот этот человек увез чужую молодую жену покупать дорогие вещи, да еще и пропал с ним целое полугодие... вернее, целое послеполугодие...

Пусть даже Фу Юйцзинь всегда хранил верность и до самой смерти не вступал ни с кем в близкие отношения, вращаясь в этих кругах, нельзя было не слышать о том, как некоторые богатые сынки забавляются с юношами и девушками, едва достигшими совершеннолетия. Поначалу все эти мажоры добивались расположения, просто даря одежду, автомобили или квартиры, чтобы полностью подчинить человека своей воле...

Глаза Фу Юйцзиня становились все темнее и мрачнее.

Выходит, всё то, что он предоставлял единственному сыну своего подчиненного из уважения к верности последнего, в конце концов превратилось для того в инструмент, чтобы забавляться с его собственной женой! Хотя его маленькая жена испытывала к нему чистую и непоколебимую любовь, он никоим образом не мог позволить такому человеку с дурными намерениями околачиваться рядом с ней!

При этой мысли несколько нитей черной Ци выползли из-под его ног и потянулись к Бай Линю.

Из-за только что испытанной ярости он почувствовал, что его сила значительно возросла, словно теперь он был способен на гораздо большее...

В то же время Сун Минсинь протянул чашку с горячей водой Бай Линю и с заботой спросил:

— Ты как себя чувствуешь?

Сейчас он ощущал себя невероятно крутым, ведь он даже мог о ком-то позаботиться. Наблюдая, как Бай Лин пьет воду, он улыбнулся — сладко и нежно.

Но вскоре Сун Минсинь понял, что что-то не так.

Его взгляд с беспокойством упал на лицо Бай Линя: почему от каждого глотка воды лицо этого маленького приемыша становилось все более бледным, даже синеватым, а на лбу выступал холодный пот?

Рука, державшая чашку, непрерывно дрожала, казалось, у него совсем не осталось сил.

— Что с тобой, ты случаем не заболел? — Сун Минсинь тыльной стороной ладони прикоснулся ко лбу Бай Линя. У стоявшего рядом Фу Юйцзиня дернулся висок, но из-за того, что он управлял Призрачной Ци, он не успел помешать и мог лишь во все глаза смотреть, как его маленькая жена своей мягкой красивой ручкой трогает лицо другого мужчины.

Чего он тут притворяется жалким! Фу Юйцзинь холодно уставился на Бай Линя, но, словно чувствуя за собой вину, тут же отозвал Призрачную Ци, которая только что пронзила позвоночник Бай Линя и заморозила его костный мозг.

Бай Лин наконец смог заговорить. Хотя на дворе стоял еще не такой уж холодный осенний день, изо рта у него вырвалось густое облако пара, и он тихо произнес:

— Ни... ничего страшного, я пожалуй пойду...

Он опустил чашку, вода в которой мгновенно остыла, поднялся и попытался уйти, причем как можно быстрее.

Однако Сун Минсинь был категорически против. Он тут же ухватил Бай Линя за плечи и усадил маленького приемыша обратно на стул.

Бай Лин: «...!»

Фу Юйцзинь: «...!!!»

Сун Минсинь, казалось, совсем не замечал панического состояния Бай Линя, с абсолютно серьезным видом заявил:

— Ни за что, ты точно болен! Мне кажется, у тебя ненормальная температура тела! Надо еще

раз проверить! Бай Лин почувствовал, что сила Сун Минсиня превосходит все его мысли и воображения. Он спешил уйти, но под руками Минсиня не мог даже пошевелиться, поэтому ему оставалось только подыграть:

— Ну тогда давай ещё раз измерим.

Он думал, что Минсинь пойдёт за градусником, и собирался воспользоваться этой заминкой, чтобы сбежать, однако Бай Лин никак не ожидал, что Минсинь даже не вспомнит о термометре.

Стоило только услышать, что можно измерить температуру, как персиковые глаза Минсиня тут же засияли, и сам он выглядел до крайности довольным. Следом он подался вперед, и его прелестное, красивое личико приблизилось к Бай Лину.

Неужели метод измерения температуры, о котором он подумал, — это проверка лбом? Сердце Бай Лина забилося всё быстрее. Он попытался отпрянуть, но под тяжестью мягких рук Минсиня не мог сдвинуться с места и лишь во все глаза смотрел, как лицо Минсиня подбирается всё ближе. Внезапно у него возникло странное ощущение, будто над ним издеваются, и жар на его лице начал нарастать.

Однако по какой-то причине температура вокруг становилась всё ниже и ниже...

Взгляд Фу Юйцзиня помрачнел, он в упор уставился на мерзавца, соблазнившего его маленькую супругу измерением температуры лбом. Ярость вновь захлестнула его сердце, и похожая на чёрное пламя Призрачная Ци объяла всё его тело.

Так близко... Стоит ему чуть приподнять голову, и он сможет поцеловать свою маленькую супругу!

А его маленькая супруга — человек такой чистой души, кто знает, может, он подумает, что они случайно соприкоснулись лбами во время измерения, и его сердце наполнится чувством вины. Эту вину не преминет использовать какой-нибудь злоумышленник с дурными намерениями, чтобы всего в пару слов заманить бедного маленького вдовца в пустой угол и там бессовестно притеснять. А маленький вдовец из-за угрызений совести будет лишь закусывать нижнюю губу, не смея издать ни звука...

Его рассудок почти сгорел дотла, он почти забыл, что уже умер и стал бесплотной душой. Поддавшись инстинкту, выработанному при жизни, он немедленно подался вперед, пролетел сквозь тело Бай Лина и заслонил протянутую вперед голову Минсиня.

И в тот самый миг, когда он преградил путь Минсиню, Фу Юйцзинь первым делом ощутил своё бессилие.

Он вспомнил, что больше не человек.

Однако в следующий мигновение в его объятия врезалось мягкое и тёплое тело, после чего, казалось, к нему вернулось и обоняние.

Он учуял аромат.

Приторный, согревающий запах.

Фу Юйцзинь с неверием опустил голову и увидел Минсиня, который потирал лоб с

озадаченным выражением лица...

Похоже, это вовсе не было галлюцинацией.

Не успев коснуться Бай Лина, Минсинь почувствовал, будто врезался во что-то твёрдое. Ошеломлённый, он на ощупь провёл рукой по воздуху перед собой. Фу Юйцзинь не хотел его пугать и тут же отлетел чуть дальше, так что Минсинь взмахнул рукой впустую. Его замешательство лишь усилилось: он решил, что просто перепутал, и тот удар на самом деле пришёлся в лоб Бай Лина, а почему ему показалось, будто обо что-то ударились и всё остальное тело, он и сам не мог объяснить, поэтому просто бестолково отбросил эти мысли.

— Хм... Кажется, твоя температура в полном порядке, совсем не горячо, даже прохладно... — растерянно произнёс Минсинь. Но почему тогда у Бай Лина лицо стало ещё хуже? Неужели он и правда простудился? Только почему сам Минсинь совсем не чувствует холода?

Ничего не подозревающий Бай Лин несколько секунд простоял с пронизанным призраком насквозь телом, и казалось, что вся его жизненная температура сейчас улетучится. Лицо его почти посинело, и он поспешно пробормотал сквозь дрожь:

— Раз уж... раз уж всё в порядке, то я тогда пойду... Ты... ты не забудь завтра заглянуть в компанию... отметить...

С этими словами, неведомо откуда взяв силы, он вырвался из рук Минсиня и поспешил к выходу из спальни.

В его удаляющейся спине чудилось какое-то бегство.

Минсинь добежал до дверей спальни, но Бай Лин, хоть и казался не выше него, двигался с невероятной скоростью — индикатор у лифта в конце коридора уже показывал, что тот добрался до первого этажа.

— Чего это он так понёсся? — пробормотал Минсинь. Он был немного ленив, иначе в прошлые дни и не думал бы о коротком пути в виде роли богатой жены. Заметив, что Бай Лин практически ушёл, он не стал догонять его, чтобы проводить, и снова спрятал голову в спальне.

Заперев дверь, он испытал лёгкое удивление и пробормотал себе под нос:

— Как странно, Сяо Лин выглядит худеньким и хрупким, а тело, кажется, довольно крепкое.

Он принял тело, в которое врезался, за плоть Бай Лина.

Фу Юйцзинь: «...»Когда Бай Лин ушел, чувство раздражения от вторжения в его личное пространство тут же развеялось. При жизни, заботясь о своем теле, он никогда не выходил из себя вот так, тем более — на глазах у своего столь любящего юного супруга. Поэтому, услышав слова Минсиня, Фу Юйцзинь почувствовал лишь легкую досаду и мысленно поставил Бай Лину еще одну галочку.

Минсинь уже поужинал вне дома — в каком-то французском ресторане. Все пункты в меню состояли из непонятных ему слов, но Бай Лин велел ему делать заказ, и тогда он просто жестами объяснил иностранному официанту, чтобы тот принес абсолютно всё, что было в меню. В конце концов, платил-то не он. Правда, почему-то потом у Бай Лина был не слишком

довольный вид — наверное, еда ему не пришлась по вкусу. Но как бы то ни было, Минсинь наелся до отвала.

Чтобы как следует переварить съеденное, он решил разобрать покупки.

В просторной спальне Минсинь радостно, напевая себе под нос, распаковал целую гору свертков. Он извлек на свет божий две пижамы, халат, стопку недорогой одежды примерно по сто юаней за штуку, всякие мелкие безделушки, нехитрые снеки, лапшу быстрого приготовления с étrange ароматом, а еще донельзя милые подушки и огромную полутораметровую плюшевую собаку-батон, которую можно было обнимать во сне прямо в постели. Когда он затаскивал игрушку на кровать, ее торчащий хвост комично покачивался из стороны в сторону.

Он даже купил горшечный цветок — до чего же романтично!

По сравнению с прежними временами, когда он трясся над каждой копеечкой и даже лапшу быстрого приготовления заказывал на какой-то платформе по девять юаней девять мао за коробку, сейчас он чувствовал себя невероятно богатым. Только на эту кучу вещей он потратил целую тысячу юаней!

Глядя на то, как Минсинь хлопочет вокруг, словно хомяк, обустривающий свое гнездышко, Фу Юйцзинь постепенно расплылся в улыбке. Но разве мог муж спокойно стоять в стороне, пока его милый супруг так занят?

Тогда он выпустил немного черной Ци и, пытаясь воспроизвести то ощущение, с которым только что остановил Минсиня, попробовал прикоснуться к купленным вещам. Поначалу движения Призрачной Ци были немного неуверенными — она все норовила просочилась сквозь поверхность предметов, и лишь после нескольких попыток получилось нащупать реальную плоть. Но Фу Юйцзинь быстро освоился: стоило ему мысленно...

Казалось, это вовсе не галлюцинация.

Не успев коснуться Бай Лина, Минсинь вдруг почувствовал, будто врезался в какой-то твердый предмет. Озадаченный, он шарил рукой в воздухе перед собой. Фу Юйцзинь не хотел его пугать и тут же отплыл чуть подальше, так что Минсинь загреб пустоту. Смутившись еще сильнее, он решил, что просто ошибся, и то столкновение произошло из-за того, что он задел лоб Бай Лина. А почему ощущение столкновения возникло и в других местах, он и сам не мог объяснить, поэтому просто махнул на это рукой.

— Хм... Кажется, у тебя совершенно нормальная температура, совсем не горячо, даже немного прохладно... — растерянно пробормотал Минсинь. Но почему тогда лицо Бай Лина выглядело еще хуже? Неужели он и правда простудился? Только почему самому Минсиню было ни капельки не холодно?

Не подозревая о происходящем, Бай Лин целых несколько секунд позволял Призраку проходить сквозь свое тело, из-за чего едва не лишился всего тепла. Его лицо стало почти синюшным, и он поспешно, дрожащим голосом произнес:

— Раз... раз всё в порядке, то я тогда пойду... Ты... ты не забудь завтра прийти в офис... заглянуть внутрь и нащупать что-то объемное, но пакет с полутораметровой собакой оказался слишком большим, и не успел Минсинь схватить то, что было внутри, как сам едва не свалился в упаковочный пакет, тотчас нахмурившись и приняв озасаченный вид.

Он и правда был немного простоват: вместо того чтобы просто перевернуть пакет и вытряхнуть содержимое, он зачем-то полез вовнутрь руками.

Фу Юйцзинь улыбнулся, позабавленный такой наивной и неуклюжей возней Минсиня. Окутав пакет стружкой Призрачной Ци и почувствовав на ощупь, что там снова игрушка, он бесшумно подтолкнул ее поближе к Минсиню.

Наконец Минсинь дотянулся!

Ощув в руке что-то пушистое, он вытащил всё разом и обнаружил две крошечные собачки-игрушки размером с ладонь. Минсинь наконец во всем разобрался: видимо, желающих купить самую большую собаку было слишком мало, и продавец прислал ему в подарок двух малышек.

Но что ему делать с такими крошечными игрушками? Ночью он их обнимать не станет, в лучшем случае на следующий день пнет под кровать. Минсинь застыл в нерешительности, разглядывая собачонку с высунутым языком.

Он обвел взглядом спальню, и его взгляд внезапно остановился на жертвенном столике, где стоял посмертный портрет его покойного мужа.

По сравнению с остальными уголками комнаты, которые после уборки стали уютными и милыми, этот столик выглядел удручающе пустым и одиноким: на нем ютились лишь мемориальная табличка, черно-белое фото, две лампы да небольшая курительница для благовоний.

У Минсиня внезапно возникла идея.

Подойдя к столику, он поклонился портрету Фу Юйцзиня, держа в руках двух щебячущих с высунутыми языками песиков, и с улыбкой произнес:

— Муж, тебе они нравятся?

Нравятся.

Фу Юйцзинь стоял рядом и через призму посмертного портрета видел, как Минсинь смотрит прямо на него, улыбаясь так лучезарно, что его персиковые глаза согнулись в полумесяцы.

Пусть это всего лишь пара бесплатных подарков, но раз они принадлежат Минсиню, Фу Юйцзиню они определенно нравились.

Любишь меня — люби и мою собаку — не в этом ли суть?

Минсинь словно услышал его мысли и тут же заявил:

— Нравятся, да? Тогда дарю их тебе!

Дарит ему?

Как ни старался Фу Юйцзинь сдержаться, уголки его губ все же невольно поползли вверх.

Жаль только, что он уже мертв и не может сделать ответный подарок — иначе это вполне можно было бы назвать их знаком любви.

Под его нежным взглядом Минсинь поднял игрушки вверх.

Затем, обогнув курительницу и красные фонари, он пристроил их по обе стороны от портрета.

Две пушистые собачки с высунутыми языками так и застыли с крайне фривольным видом перед мрачным серо-белым фото Фу Юйцзиня, причем мохнатые туловища игрушек загораживали примерно четверть самого портрета.

Улыбка на лице Фу Юйцзиня застыла:

— ...

Минсинь критически оглядел результат, сообразил, что выглядит это как-то неподобающе, и снова потянулся к игрушкам.

Он пристроил их прямо позади портрета.

Теперь две собачки стали похожи на парочку свирепых стражей: они по-прежнему торчали под красными фонарями, свирепо высунув языки, но уже за спиной покойного.

Выглядело это...

Еще более фривольно.

Фу Юйцзинь: «...»

Минсинь же остался весьма доволен:

— Зато пеплом от благовоний их теперь не испачкает.

В глазах Фу Юйцзиня промелькнула беспомощность.

Ладно уж.

Глубокой ночью, закончив со всеми делами, Минсинь наконец забрался под одеяло, прижал к себе полутораметровую собаку-батон и сладко заснул.

Фу Юйцзинь подплыл к кровати и с изрядной долей ревности посмотрел на игрушку в объятиях юноши.

Все эти дни он проводил каждую ночь, любуясь спящим Минсинем. Когда Минсинь бодрствовал, он был прекрасным и очаровательным молодым супругом, а во сне казался милым ангелочком. Фу Юйцзинь каждую ночь смотрел, как тот засыпает, и его сердце таяло, словно вата — и каждый раз это было по-своему прекрасно.

Хотя нет... Эта ночь была особенной.

Обнимая игрушку, которая была больше него самого, Минсинь в полусне перевернулся, сбросив одеяло, так что штанина его пижамы задралась до самых колен.

Предыдущий комплект постельного белья, на холодность которого пожаловался Минсинь, горничная уже заменила на новый. На этот раз белье было темных оттенков, и на его фоне кожа Минсиня, похожая на белый нефрит, казалась еще более ослепительной — зрелище было настолько прекрасным, что от него захватывало дух.

Хоть Фу Юйцзинь уже не был человеком, эта картина все равно кольнула его, заставив на мгновение отвести взгляд.

Но он тут же заставил себя смотреть снова.

Осенние ночи холодны, если Минсинь будет спать вот так, он непременно простудится... Подумав об этом, он наконец решился укрыть своего маленького супруга.

Правда, неизвестно по какой причине, но он не стал с помощью черной Ци тянуть за край одеяла, а протянул собственную бледную руку прямо к постельному белью, прижатому ногами Минсиня.

Он наконец дотронулся до уголка одеяла, в то время как белоснежные голени Минсиня находились совсем рядом. Опустив взгляд, Фу Юйцзинь с мрачным и красивым лицом даже испытал легкое напряжение. Наконец, напрянув кончики пальцев, он потянул и вытащил одеяло.

Ножки Минсиня тут же опустились на матрас, издав едва слышный шорох.

От испуга Фу Юйцзинь замер на секунду, в упор глядя на Минсиня в страхе, что тот внезапно проснется, и торопливо набросил одеяло на ноги юноши.

В этот момент его кончики пальцев чего-то коснулись.

Это было что-то мягкое, гладкое и теплое, почти обжигающее.

Он прикоснулся к голени Минсиня.

<http://bllate.org/book/22206/2315105>